

Люси Мод
Монтгомери

ЗОЛОТАЯ
ДОРОГА

настроение читать

Настроение читать (Азбука-Аттикус)

Люси Мод Монтгомери

Золотая дорога

«Азбука»

1913

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Золотая дорога / Л. Монтгомери — «Азбука»,
1913 — (Настроение читать (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-34700-7

Знаменитая канадская писательница Люси Мод Монтгомери, автор романов об Анне из Зеленых Мезонинов, не раз признавалась, что любимой книгой, которую она написала, была «Рассказчица». Ее главной героине Саре Стэнли всего четырнадцать лет, однако она умеет рассказывать истории, как никто другой, и обладает волшебным голосом. («Если бы у голосов имелся цвет, то ее голос напоминал бы радугу».) Рассказчица так полюбила Люси Мод Монтгомери, что писательница написала про нее еще один роман, который вышел спустя два года под названием «Золотая дорога». В этой книге, кажется, стало еще больше добра, смеха, веселых приключений и увлекательных историй. А полюбившиеся читателям герои выросли на пару лет и приблизились к порогу таинственной и непостижимой взрослой жизни... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-34700-7

© Монтгомери Л., 1913
© Азбука, 1913

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Новое предприятие	7
Глава 2. Женщина, желания и возможности	11
Глава 3. Рождественская арфа	15
Глава 4. Новогодние обещания	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Люси Мод Монтгомери

Золотая дорога

Памяти тети Мэри Лоусон, поведавшей мне многие из тех историй, которые здесь повторила Рассказчица

Lucy Maud Montgomery
THE GOLDEN ROAD

© В. А. Ионова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Пролог

Однажды все мы шагали по золотой дороге. То был славный широкий тракт, ведущий через Страну Утраченного Восторга, где благостно сплетаются тени и солнечный свет, а всякий поворот и всякий уклон приоткрывают распахнутым сердцам и непресыщенным покуда взглядам неведомую прелесть и свежее очарование.

На той дороге внимали мы песне утренних звезд и упивались эфемерными и сладостными, словно майские туманы, ароматами; осенняя паутина щедро одаривала нас своими фантазиями, а ирисы – надеждами; наши души искали и обретали дары грез; неисчислимые годы ждали нас за горизонтом, и все до одного – отменные; жизнь была нам розовоустою подругой, и сыпались из рук ее пурпурные цветы.

Пусть мы давно сошли с золотой дороги, но воспоминания о ней – драгоценнейшее из наших неотъемлемых владений; страницы этой книги, вероятно, доставят удовольствие тем, кто бережет такие сокровища, ибо герои ее – странники, идущие по золотой дороге юности.

Глава 1. Новое предприятие

– Я придумал кое-какое развлечение на зиму, – провозгласил я, когда мы полукругом расселись возле восхитительно жаркого пламени в очаге на кухне дяди Алека.

Дул неистовый ноябрьский ветер, и день близился к концу, погружаясь во влажные жутковатые сумерки. За стенами дома вихрь выл и набрасывался на окна и карнизы, а по крыше колотил дождь. Старая ива у ворот сгибалась под напором бури, и сад наполнился потусторонней музыкой, порожденной всеми слезами и страхами, что таятся в чертогах ночи. Но нам и дела не было до мрака и одиночества, царивших в мире снаружи; отсветы огня и смех на наших юных устах не пускали их в дом.

Только что мы отлично поиграли в жмурки. Вернее, они поначалу были отличными, а потом скисли, поскольку мы обнаружили, что Питер по злему умыслу поддавался всем, лишь бы водить и поймать Фелисити, в чем неизменно преуспевал, как бы тщательно мы ни завязывали ему глаза. Что за немыслимый дуралей ляпнул, будто любовь слепа? Любовь способна видеть через пять слоев шарфа плотной вязки, притом с легкостью!

– Что-то я устала, – пропыхтела Сесили, учащенно дыша. Ее бледные щеки порозовели от беготни. – Давайте посидим и послушаем какую-нибудь историю.

Однако, едва мы расселись, Рассказчица кинула на меня многозначительный взгляд, который сообщал мне лично: вот он, подходящий момент для воплощения плана, над которым мы двое втайне трудились несколько предыдущих дней. Вообще-то, идея принадлежала Рассказчице, а вовсе не мне. Но она настояла, чтобы я выдал ее за свою целиком и полностью.

– Если я предложу, то Фелисити не согласится, – аргументировала Рассказчица. – Ты же сам знаешь, Бев, как она в последнее время противится всему, что исходит от меня. Она заупрямится, и тогда Питер тоже будет против – нюня! – а если участвуют не все, то станет неинтересно.

– Ну и что же ты придумал? – спросила Фелисити, слегка отодвигая свой стул от Питера.

– А вот что. Давайте выпускать свою газету – будем сами писать про все, что у нас происходит. Можно ведь здорово повеселиться, а?

Все выглядели немного ошарашенными и изумленными – все, кроме Рассказчицы. Она-то знала, что делать, – и тут же сделала это.

– Какая дурацкая затея! – воскликнула она, пренебрежительно встряхнув длинными волнистыми локонами. – Как будто нам по плечу издавать газету!

Фелисити тут же вспыхнула – в точности как мы и надеялись.

– А я считаю, идея отличная, – с энтузиазмом заявила она. – Хотелось бы мне знать, почему это мы не сможем делать такую же хорошую газету, как те люди в городе?! Дядя Роджер говорит, «Дейли энтерпрайз» совсем скатилась, все их новости – вроде той, где одна старая дама, на которой из одежды был только головной платок, отправилась через дорогу на чай к соседке. По-моему, у нас точно получится лучше. Тебе, Сара Стэнли, негоже думать, будто никто ничего не умеет, кроме тебя самой.

– Я тоже считаю, что это здорово, – решительно поддержал ее Питер. – Моя тетя Джейн помогала в редакции газеты, когда была в Королевской академии, и говорила, что ей это очень нравилось и сильно помогло.

Потупив взор и нахмурившись, Рассказчица сумела скрыть свое удовольствие.

– Бев захочет быть главным редактором, – сказала она, – и я не понимаю, как он справится без опыта. Что ни говори, дело это трудное.

– Некоторые люди очень боятся перетрудиться, – фыркнула Фелисити.

– И мне тоже кажется, что это замечательная идея, – застенчиво проговорила Сесили, – а опыта у нас ни у кого нет, так что это не важно.

- А печатать мы ее будем? – спросил Дэн.
- О нет, – ответил я. – Не выйдет. Придется нам все записывать, а бумагу купим у учителя.
- Я думаю, если не напечатано – то никакая это не газета, – пренебрежительно кинул Дэн.
- Что *ты* думаешь – не больно-то существенно, – ответила Фелисити.
- Ну спасибо...
- Раз так, – поспешно встряла Рассказчица, опасаясь, как бы Дэн не отверг наш проект, – раз вы все за, я тоже поучаствую. Надо полагать, такое дело может оказаться увлекательным. А выпуски мы сохраним – когда станем знаменитыми, они будут довольно ценными.
- Интересно, станет ли кто-то из нас знаменитым, – задумался Феликс.
- Рассказчица станет, – предположил я.
- Не пойму, с чего бы, – скептически сказала Фелисити. – Она лишь одна из нас.
- В общем, решено, – подвел я итог. – Теперь надо придумать название. Это очень важная штука.
- А как часто газета будет выходить? – спросил Феликс.
- Раз в месяц.
- По-моему, газеты выходят ежедневно, ну или хотя бы еженедельно, – сказал Дэн.
- Раз в неделю мы не осилим, – объяснил я, – слишком много работы.
- Да, это аргумент, – признал Дэн. – С моей точки зрения, чем меньше работы, тем лучше. Нет, Фелисити, тебе не обязательно это произносить. Я точно знаю, что ты хочешь сказать, так что побереги силы и остуди свой пыл. Согласен: я работаю, только если мне нечем больше заняться.
- «Но помни, тяжелее все ж работы не иметь»¹, – осуждающим тоном процитировала Сесили.
- Ну, в такое я не верю, – отмахнулся Дэн. – Я как тот ирландец, который считал, что человек, который начал работу, должен ее закончить.
- Так, значит, мы решили, что Бев – редактор? – уточнил Феликс.
- Конечно решили, – ответила за всех Фелисити.
- Тогда, – продолжил мысль Феликс, – я предлагаю «Ежемесячный журнал Кингов».
- Звучит хорошо, – одобрил Питер, чуть сдвигая свой стул к Фелисити.
- Но, – снова скромно вступила Сесили, – тогда мы исключаем Питера, и Рассказчицу, и Сару Рэй, словно они тут ни при чем. Мне кажется, это несправедливо.
- Предлагай свое, Сесили, – подбодрил я ее.
- О! – Сесили с мольбой взглянула на Рассказчицу и Фелисити. Затем, встретив в ответном взгляде последней высокомерное пренебрежение, с нетипичным для нее воодушевлением вскинула голову. – Я думаю, хорошее название: «Наш журнал», – провозгласила она. – Тогда мы все будем чувствовать, что вносим свою лепту.
- Так тому и быть: «Наш журнал», – резюмировал я. – А что до внесения лепт, то нам всем предстоит вложиться – это уж яснее ясного. Если я главный редактор, то вы все будете редакторами разделов и рубрик.
- Ой, я не смогу, – испугалась Сесили.
- Придется, – безжалостно отрезал я. – «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг»². Это будет и наш девиз, только мы вместо Англии вставим остров Принца Эдуарда. И чтоб никто не отлынивал! Так, какие у нас будут разделы? Надо, чтобы было как можно больше похоже на настоящее издание.
- Тогда нужен раздел этикета, – сказала Фелисити. – В «Фэмили гайд» есть такой.

¹ Цитата из стихотворения «Труд» Каролины Фрэнсис Орне (1818–1905). – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Флажной сигнал, поднятый адмиралом Нельсоном на флагманском судне британского флота перед Трафальгарским сражением 21 октября 1805 года.

– Само собой, и у нас такой будет, – решил я. – Дэн редактор.

– Дэн! – воскликнула Фелисити, сама горячо желавшая заполучить этот пост.

– Я уж как пить дать смогу вести эту рубрику не хуже того идиота в «Фэмили гайд», – встал в защитную позу Дэн. – Но в ней ведь надо на вопросы отвечать. А как мне быть, если никто не задает вопросов?

– Сам их выдумай, – посоветовала Рассказчица. – Дядя Роджер говорит, что ведущий рубрики в «Фэмили гайд» так и поступает: дескать, вряд ли в мире столько безнадежных тупиц, сколько можно предположить, читая эту колонку.

– Тебя, Фелисити, мы назначим главой раздела домоводства, – сказал я, видя, как омрачается чело сей прекрасной леди. – Никто не справится с этим лучше. Феликс возьмет на себя юмор и справочный отдел, а Сесили будет руководить колонкой моды. Да, Сис, ты должна. Это проще простого. Рассказчица займется светской хроникой – очень важная рубрика. Все могут предлагать сюда новости, но Рассказчица должна следить, чтобы они были в каждом выпуске, даже если их придется выдумать, вроде как Дэну с его этикетом.

– Беву, кроме редакторских дел, достанется раздел очерков, – продолжила Рассказчица, видя, что я скромничаю и не решаюсь озвучить это сам.

– А что, разве не будет страницы с интересными историями? – осведомился Питер.

– Будет, если ты возьмешься за отдел прозы и поэзии, – ответил я.

В глубине души Питер ужасно растерялся, но не стал увиливать перед лицом Фелисити и бесстрашно согласился:

– Ладно.

– В раздел очерков может пойти что угодно, – разъяснял я, – но все остальное мы должны сочинять сами, и под заметками будет стоять имя автора, кроме светской хроники. Всем нам надо постараться. «Наш журнал» должен выглядеть как «пир разума и духа взлет»³.

Я чувствовал, что две к месту вставленные цитаты произвели потрясающий эффект. Судя по выражениям лиц, все, кроме Рассказчицы, были весьма впечатлены.

– Но разве у тебя нет должности для Сары Рэй? – с упреком спросила Сесили. – Она ужасно огорчится, если ее не возьмут.

Я начисто забыл о Саре Рэй. Никто никогда не вспоминал о Саре Рэй, если ее не было с нами, – никто, за исключением Сесили. В итоге мы решили предложить ей пост управляющей отделом объявлений. Звучало солидно и почти ни на что не влияло.

– Что ж, тогда приступим, – заключил я со вздохом облегчения оттого, что проект запустился как по маслу. – Подготовим первый номер примерно к первому января. И ни в коем случае нельзя подпускать к этому дядю Роджера, иначе он нас страшно засмеет.

– Надеюсь, у нас получится, – угрюмо сказал Питер (он впал в угрюмость с момента назначения его главой литературного отдела).

– Получится, если мы захотим, чтоб получилось, – откликнулся я. – Коли есть желание, то и возможность найдется.

– Именно это сказала Урсула Таунли, оказавшись запертой в своей комнате собственным отцом той самой ночью, когда она собиралась сбежать с Кеннетом Макнейром, – проговорила Рассказчица.

Мы наострили уши, почуяв историю.

– Кто такие Урсула Таунли и Кеннет Макнейр? – спросил я.

– Кеннет Макнейр – двоюродный брат дедушки Несуразного Человека, а Урсула Таунли в свое время была первой красавицей Острова. И кто, вы думаете, рассказал мне эту повесть – нет, прочел ее мне из своего коричневого блокнота?

– Неужто сам Несуразный Человек?! – вскричал я.

³ Александр Поуп. Сатира I. Мистеру Фортеस्कью из «Подражания сатирам и эпистолам Горация».

– Он самый, – торжествующе подтвердила Рассказчица. – Я встретила его на прошлой неделе в кленовой роще, когда за папоротниками ходила. Он сидел у ручья и что-то писал в своем коричневом блокноте. Блокнот он спрятал, как только заметил меня, и выглядел при этом ужасно нелепо, но я начала разговаривать с ним и через некоторое время сказала, что, мол, ходят слухи, будто он записывает туда свои стихи, и если это правда, то не мог бы он это подтвердить, потому что мне до смерти любопытно. Он ответил, что пишет там понемногу то да се, и тогда я уговорила его прочесть мне что-нибудь оттуда, и он прочитал мне историю Урсулы и Кеннета.

– Не возьму в толк, как тебе хватило нахальства, – высказалась Фелисити.

Даже на лице Сесили было написано, что в этот раз Рассказчица зашла слишком далеко.

– Да не важно! – воскликнул Феликс. – Просто расскажи нам историю. Это самое главное.

– Расскажу, насколько получится, так, как мне ее прочитал Несуразный Человек, – сказала Рассказчица, – но вам достанется пересказ без многих прелестных поэтических штрихов, потому что все их не упомнишь, хотя мистер Дейл прочел мне историю аж дважды.

Глава 2. Женщина, желания и возможности

– В один прекрасный день, более ста лет назад, Урсула Таунли поджидала Кеннета Макнейра в большой буковой роще, где на землю падали коричневые орешки, а октябрьский ветер заставлял листья плясать над землей, словно пикси.

– Кто такие пикси? – спросил Питер, забыв, как Рассказчице не нравится, когда ее перебивают.

– Тсс, – прошептала Сесили. – Это, наверно, один из тех поэтических штрихов Несуразного Человека.

– Между рощей и темно-синим заливом лежали фермерские поля, но позади и по обеим сторонам высился лес, ибо остров Принца Эдуарда в те дни не походил на нынешний. Редкие поселения были разбросаны далеко друг от друга, а народу жило так мало, что старик Хью Таунли хвастал, будто знает здесь всех мужчин, женщин и детей.

Старый Хью славился в свое время несколькими вещами: как человек богатый, как человек гостеприимный, как человек гордый и как мастер на все руки. А еще его дочь была самой прелестной барышней на острове Принца Эдуарда. Само собой, молодые люди еще как замечали ее красоту, и у нее было столько поклонников, что прочие девушки ненавидели Урсулу...

– Это уж само собой! – бросил в сторону Дэн.

– Но единственным, на кого упал ее благосклонный взгляд, оказался человек, которому следовало бы оставаться в самом конце списка претендентов – по крайней мере, с точки зрения старого Хью. В тот осенний день, полный свежего ветра и зрелого солнца, Урсула ускользнула из дома и пришла в буковую рощу ради Кеннета Макнейра, темноокого морского капитана из соседнего поселка. Старый Хью запретил молодому человеку переступать порог своего дома, закатив такую гневную сцену, что дрогнул даже непоколебимый дух Урсулы. Ее отец не имел ничего против самого Кеннета, но за много лет до рождения и Кеннета, и Урсулы отец юноши обошел Хью Таунли в жаркой предвыборной гонке. В те времена политика вызывала целые бури страстей, и старый Хью так и не простил Макнейру-старшему его победы. Кровная вражда между двумя семействами началась с бури в провинциальном стакане, а голоса избирателей явились причиной, по которой тридцать лет спустя Урсуле приходилось встречаться с Кеннетом тайком, и никак иначе.

– А Макнейр был консерватором или либералом? – спросила Фелисити.

– Совершенно не важно, кем он был, – нетерпеливо ответила Рассказчица. – Сто лет назад даже тори⁴ могли быть романтиками. Итак, Урсула довольно редко виделась с Кеннетом, ибо тот жил в пятнадцати милях от нее и вдобавок часто уходил в плавание на своем судне. К тому самому дню, с которого начался рассказ, прошло уже три месяца с их последней встречи.

В прошлое воскресенье юный Сэнди Макнейр побывал в церкви Карлайла. Он встал с зарей, прошел восемь миль босиком вдоль берега, неся свои башмаки в руках, нанял местного рыбака, чтобы тот переправил его через канал, а затем прошагал еще восемь миль до церкви – не столько, надо сказать, из религиозного рвения, сколько ради того, чтобы выполнить поручение своего любимого брата Кеннета, а именно доставить письмо. Сэнди сумел сунуть бумажку в руку Урсуле в толчее на выходе из церкви. В послании Кеннет просил Урсулу встретиться с ним завтра в буковой роще, и вот она потихоньку улизнула из дома, в то время как отец и мачеха думали, что она прядет на чердаке сеновала.

– Очень дурно было с ее стороны обманывать родителей, – чинно вставила Фелисити.

Рассказчица не могла этого отрицать и потому решила ловко обойти этический аспект поступка.

⁴ Тори – британская консервативная партия.

– Я же не рассказываю вам, как Урсуле *следовало бы* поступать, – веско проговорила она. – Я всего лишь рассказываю, как она *в действительности* поступила. Конечно, не хочешь – не слушай. Если бы все всегда поступали, как им следует, то мало бы в нашем мире было историй.

Итак, когда Кеннет явился в рощу, вышла именно такая встреча, какую можно себе вообразить, зная, что влюбленные в последний раз целовали друг друга три месяца назад. Так что прошло не меньше получаса, прежде чем Урсула сказала: «О Кеннет, мне нельзя задерживаться, не то меня хватят. Ты написал в письме, что хочешь поговорить о чем-то важном. О чем же?»

«Новости у меня такие, Урсула: на рассвете в следующую субботу мой корабль „Прекрасная леди“ с капитаном на борту отплывает из Шарлоттауна и направляется в Буэнос-Айрес. В это время года плавание предполагается безопасное, а возвращение гарантировано к следующему маю».

«Кеннет! – вскричала Урсула, побледнев и расплакавшись. – Как ты можешь бросить меня? О, какая жестокость!»

«Да что ты, милая, – рассмеялся Кеннет. – Капитан „Прекрасной леди“ возьмет свою невесту с собой. Мы проведем медовый месяц в открытом море, Урсула, а холодную канадскую зиму – под южными пальмами».

«Ты предлагаешь мне сбежать с тобой, Кеннет?» – изумилась Урсула.

«Да, дорогая, другого выхода нет!»

«Но я не могу, – запротивилась девушка. – Мой отец...»

«А мы с ним не станем советоваться – до поры до времени. Ну же, Урсула, ты понимаешь, что иначе нельзя. Мы оба всегда знали, чем дело кончится. Твой отец никогда не простит мне моего отца. Ты ведь не подведешь? Только подумай, какая долгая разлука ждет нас, если ты отпустишь меня одного в такой долгий рейс! Собери все свое мужество, и пусть себе Таунли и Макнейры предаются заплесневелой взаимной вражде, а мы пойдем к югу на „Прекрасной леди“. У меня уже есть план».

«Расскажи, что за план», – попросила Урсула, вновь обретя способность дышать.

«В „Ручьях“ в пятницу объявлены танцы. Ты приглашена туда, Урсула?»

«Да».

«Хорошо. Я-то нет, но я все-таки приду – в хвойную рощу позади здания, с двумя лошадьми. Когда танцы будут в самом разгаре, улизни тихонько ко мне. Оттуда всего пятнадцать миль до Шарлоттауна, где один священник, мой хороший друг, сразу нас обвенчает. К тому времени, когда танцоры отобьют себе пятки, мы с тобой будем уже на борту судна смеяться над злодейкой-судьбой».

«А что, если я не приду в хвойную рощу?» – задала неуместный вопрос Урсула.

«Если не придешь, я возьму курс на Южную Америку, и лишь через много лет Кеннет Макнейр вернется в родные края».

Может статься, Кеннет чуток преувеличил, но Урсула приняла его слова за чистую монету, и это придало ей решимости. Она согласилась бежать с ним. Да, Фелисити, конечно, это тоже неправильно. Ей следовало бы сказать: «Нет уж, вынь да положь мне пристойную свадьбу дома, и праздник, и шелковое платье, и подружек невесты, и кучу подарков». Но она так не сказала. Она была не такой благоразумной, как Фелисити Кинг.

– Она была бесстыжей девушкой, – ответила Фелисити, обрушивая на давно почившую Урсулу всю ту злость, которую не осмеливалась излить на Рассказчицу.

– Да нет, милая моя Фелисити, она была сильной духом девушкой. И я бы поступила точно так же. Настала пятница, и Урсула принялась наряжаться, скопив в сердце всю свою храбрость. Ей предстояло отправиться в «Ручьи» с дядей и тетей, которые прибыли чуть раньше и собирались ехать на танцевальный вечер в двуколке старого Хью, единственной в то

время в Карлайле. Им следовало выехать заранее, чтобы оказаться на месте до темноты, ибо октябрьские ночи беспросветны, а пробираться во тьме по лесным дорогам трудно.

Нарядившись, Урсула оглядела себя в зеркале с чувством большого удовлетворения. Да, Фелисити, тщеславной девицей была наша Урсула, и сто лет спустя этот вид далеко не весь вымер. Причины для тщеславия у нее имелись. На ней было шелковое платье цвета морской волны, доставленное из Англии за год до того и надетое лишь однажды – на рождественский бал в резиденции губернатора. Изящный, плотный, шуршащий шелк, а над ним румяные щечки Урсулы, и сияющие глазки, и густая каштановая шевелюра.

Отвернувшись от зеркала, она вдруг услышала голос отца, громкий и сердитый. Побледнев, Урсула выбежала из комнаты. Ее отец, с покрасневшим от гнева лицом, был на середине лестницы. Внизу, в холле, Урсула увидела свою мачеху, раздосадованную и встревоженную. На пороге стоял Малкольм Рамсэй, живущий по соседству юноша, который неуклюже ухаживал за Урсулой с тех пор, как она подросла. Урсула его терпеть не могла.

«Урсула! – закричал старый Хью. – Иди сюда и скажи этому мошеннику, что он лжет. Он утверждает, будто в прошлый вторник ты встречалась с Кеннетом Макнейром в буковой роще. Скажи, что он лжет! Скажи, что он лжет!»

Урсула не была трусихой. Она кинула на беднягу Рамсэя презрительный взгляд.

«Этот субъект вечно шпионит за всеми и распускает слухи, – сказала она, – но на этот раз он не врет. Я действительно встречалась с Кеннетом Макнейром в прошлый вторник».

«И ты осмеливаешься признаваться в этом прямо мне в лицо! – зарычал старый Хью. – Марш в свою спальню, негодница! Марш в свою спальню – и чтоб ни ногой оттуда! Снимай с себя все это добро. Никаких тебе танцев. Будешь сидеть взаперти, пока я не соизволю тебя выпустить. Нет, ни слова больше! Я тебя силой туда упрячу, если сама не пойдешь. Ступай к себе, да не забудь вязанье прихватить. Займешься делом, вместо того чтобы каблуками в „Ручьях“ стучать!»

И он, взяв со стола в холле недовязанный серый чулок, зашвырнул его в комнату Урсулы. Урсула понимала, что ей придется отправиться вслед за чулком, не то ее сграбастают и потащат в заточение, как капризного ребенка. Так что, одарив напоследок горемыку Рамсэя взглядом, от которого он весь съежился, она проследовала в свою спальню с гордо поднятой головой. В следующее мгновение за ее спиной щелкнул замок. Первым делом Урсула издала крик злости, стыда и разочарования. Это не помогло, так что она принялась мерить комнату шагами. Громыканье выезжающей за ворота коляски, где сидели ее дядя и тетя, ничуть ее не успокоило.

«О, что же делать? – всхлипывала бедняжка. – Кеннет будет вне себя от ярости. Он подумает, что я предала его, и уедет жутко злой. Если бы только отправить ему записку, тогда он бы не бросил меня. Но, кажется, это невозможно – хотя и говорят, что коли есть желание, то и возможность сыщется. О, я сойду с ума! Не будь окно так высоко, я бы выпрыгнула на улицу. Да только переломом ноги или шеи делу не поможешь».

День клонился к вечеру. На закате Урсула услышала стук копыт и подбежала к окну. Эндрю Кинниар из «Ручьев» привязывал лошадь возле двери дома. То был лихой юноша и политический соратник старого Хью. Он, вне всякого сомнения, будет сегодня на танцах. О, если бы только улучшить момент и перекинуться с ним парой слов!

Когда гость зашел в дом, Урсула, спешно метнувшись от окна, вдруг споткнулась и чуть не упала – на полу валялся брошенный ее отцом большой клубок серых самопрядных ниток. Мгновение она обиженно взидала на него, а затем, негромко рассмеявшись, быстро схватила и кинулась к столу. Настрочив Кеннету Макнейру короткую записку, Урсула наполовину выпустила клубок, приколотла булавкой записку к шерсти и снова смотала нить. Серый шарик цвета сумерек, возможно, и не будет замечен, а вот белая бумажка с посланием, свисающая из верхнего окна, точно привлечет чье-нибудь внимание. Затем она тихонько открыла окно и принялась ждать.

Закат почти померк, когда Эндрю наконец вышел. К счастью, старый Хью не стал провожать гостя до дверей. Эндрю принялся отвязывать лошадь, и Урсула бросила в него клубок, да так метко, что он угодил юноше прямо в темечко. Эндрю задрал голову и посмотрел на ее окно. Она высунулась оттуда и предостерегающе приложила палец к губам, а затем указала на клубок и кивнула. Эндрю, несколько озадаченный, поднял клубок, вскочил в седло и поскакал восвояси.

«Пока все идет хорошо», – думала Урсула. Но понял ли ее Эндрю? Хватит ли у него сообразительности распутать большой неровный клубок, чтобы обнаружить там записку весьма деликатного свойства? Да и на танцы ли он вообще направляется?

Вечер тянулся бесконечно. Никогда еще время для Урсулы не шло так медленно. Она просто места себе не находила. Уже после полуночи девушка услышала, как горсть камушков прокатилась по жестяному карнизу. В мгновение ока она оказалась у окна. Внизу в темноте стоял Кеннет Макнейр.

«О Кеннет, ты получил мою записку? Не опасно ли тебе быть здесь?»

«Вполне безопасно. Твой отец спит. Я два часа шагал туда-сюда по дороге, дожидаясь, пока свет у него в комнате не погаснет, да еще полчаса, чтобы он точно уснул. Лошади здесь. Выходи, Урсула. К рассвету мы будем в Шарлоттауне».

«Проще сказать, чем сделать, милый. Меня заперли. Но вот что – ступай-ка за новый амбар и принеси оттуда лестницу».

Через пять минут мисс Урсула, в плаще с капюшоном, неслышно спустилась по лестнице, а еще через пять они с Кеннетом уже мчались прочь от ее дома.

«Дорога впереди трудная, Урсула», – сказал Кеннет.

«С тобой, Кеннет Макнейр, я поскачу и на край света», – ответила Урсула.

О, ну конечно, Фелисити, ей не следовало говорить ничего такого. Но, видишь ли, в те дни людям трудно было сверяться с разделом этикета в газете. В дивных рассветных лучах красного октябрьского солнца, упавших на серую гладь моря, «Прекрасная леди» отчалила из гавани Шарлоттауна. На палубе стояли Кеннет и Урсула Макнейр, и новобрачная держала в руках, словно великую ценность, клубок серой самопрядной шерсти.

– Н-да, – произнес Дэн, зевая. – Такие истории мне нравятся. Никто не расстается и не помирает – это хорошо.

– А старый Хью простил Урсулу? – спросил я.

– В коричневом блокноте история заканчивалась на этом месте, – ответила Рассказчица, – но Несуразный Человек сказал, что да, через некоторое время.

– Наверное, это очень романтично – пуститься в бега, – задумчиво заметила Сесили.

– Выкинь-ка из головы эти дурацкие мысли, Сесили Кинг, – строго одернула ее Фелисити.

Глава 3. Рождественская арфа

Воодушевление в доме Кингов росло по мере приближения Рождества. Атмосфера искрилась секретами. Все предшествующие недели дети проявляли ужасную скупость и скрупулезно пересчитывали накопленное. Загадочные кусочки рукоделия тайком переносились с места на место, отдельные личности шептались друг с другом по углам, и никто и не думал дуться на эти совещания, что непременно случилось бы в любое другое время года. Фелисити пребывала в своей стихии, ибо вместе с матерью была целиком поглощена приготовлениями к празднику. Сесили и Рассказчицу исключили из этого процесса: тетя Джанет с безразличием, а Фелисити – с демонстративным самодовольством. Сесили приняла обиду близко к сердцу и пожаловалась мне.

– Я так же принадлежу к этой семье, как и Фелисити, – сказала она с той долей возмущения, которая вообще была ей доступна, – и мне кажется, не стоит ей гнать меня отовсюду. Я хотела перетереть изюм для рубленой говядины, а она сказала, мол, нет, сама это сделает, потому что рождественская рубленая говядина – очень особенное блюдо, как будто я изюм правильно перетереть не смогу! Мне аж дурно становится от того, как Фелисити нос задирает со своей готовкой, – заключила Сесили в сердцах.

– Вот бы она хоть иногда ошибалась на кухне, – посочувствовал я. – Сразу бы поняла, что ничуть не лучше других.

Все приходившие по почте посылки от далеких друзей попадали в руки тети Джанет и тети Оливии, и открывать их не позволялось до рождественского дня. Как же медленно тянулась эта неделя! Впрочем, долгожданный день все-таки настал – серый, хмурый, студеный, однако наполненный задором и яркой, словно красная роза, радостью. Дядя Роджер, тетя Оливия и Рассказчица пришли рано и остались на весь день; Питер тоже явился – с сияющей утренней физиономией, и был встречен торжествующими приветственными криками, ибо мы опасались, что он не сможет провести Рождество с нами, поскольку его мать хотела, чтобы на праздник он был дома.

– Ясное дело, придется мне остаться с ней, – скорбно сетовал накануне Питер, – но индейки на ужин не будет, ма это не по карману. И она вечно плачет по праздникам, говорит, дескать, они заставляют ее вспоминать отца. Она, конечно, не виновата, но все это не больно весело. Моя тетя Джейн не проливали бы слезы. Тетя Джейн говаривала, что, мол, не встречалось ей покуда мужчины, из-за которого стоило бы глаза портить. В общем, придется мне, видать, провести Рождество дома.

Однако в последний момент миссис Крейг получила приглашение от своей кузины в Шарлоттауне, и Питер, которому дали выбор – ехать с ней или остаться с нами, с удовольствием выбрал второе. Так что вся наша компания была в сборе, не считая Сары Рэй, которую мы звали, но ее мать не разрешила ей прийти.

– Ох уж эта мама Сары Рэй, – резко высказалась Рассказчица. – И без того всю жизнь мучает бедного ребенка, так еще и на праздник не пускает.

– У Сары сердце разрывается оттого, что она не может прийти, – участливо откликнулась Сесили. – Мне кажется, я и сама не смогу получать удовольствие, думая про нее – как она сидит дома одна и, скорее всего, читает Библию, а у нас тут праздник.

– Бывают занятия и похуже, чем Библию читать, – укоризненно вставила Фелисити.

– Но миссис Рэй заставляет ее делать это в качестве наказания, – возразила Сесили. – Когда Сара плачет из-за того, что ей хочется куда-то пойти, – а сегодня-то она точно будет плакать, – миссис Рэй заставляет ее читать семь глав из Библии. Не думаю, что так можно полюбить Библию. И я не смогу с ней потом обсудить вечеринку, а это минус половина веселья.

– Ты сможешь ей все рассказать, – заметил Феликс.

– Рассказывать не то же самое, что обсуждать, – отрезала Сесили. – Слишком односторонне.

Процесс открывания подарков доставил нам массу удовольствия. Некоторым досталось больше, чем другим, но все мы получили ровно столько, чтобы никто не чувствовал себя незаслуженно обделенным. От содержимого коробки, которую Рассказчице отправил из Парижа ее отец, глаза у нас полезли на лоб – столько внутри оказалось прекрасных вещей. Среди них выделялось красное шелковое платье – не такого яркого, пламенного оттенка, как прошлое, но густого темно-красного цвета, со всевозможными одурманивающими разум воланами, рюшами и бантами; а к платью прилагались еще маленькие красные атласные туфельки с золотыми пряжками и каблукчиками – тетя Джанет аж руками всплеснула от ужаса. Фелисити надменно бросила, что, казалось бы, Рассказчице красный должен был уже приесться, и даже Сесили поделилась со мной мыслью, что когда получаешь столько вещей сразу, то не ценишь их так, как если бы их было всего несколько.

– Мне никогда не надоест красный, – сказала Рассказчица. – Просто обожаю его – он такой роскошный и яркий. В красном я чувствую себя намного умнее, чем в любом другом цвете. Мысли так и текут мне в голову одна за другой. Ах ты, мое дорогое платьице – мое милое, блестящее, красное, как роза, сверкающее шелковое чудо!

Она приложила платье к себе и протанцевала по кухне.

– Хватит дурачиться, Сара, – одернула ее тетя Джанет. Она была добрая душа, наша тетя Джанет, и в ее пышной груди билось мягкое, любящее сердце. Однако бывали моменты, когда она с трудом мирилась с тем, что дочь бродяги-авантюриста (именно так он ей виделся) Блэра Стэнли наряжается в шелковые платья, тогда как ее собственные дочери должны носить клетчатые хлопчатобумажные или муслиновые платья, ибо в те дни, если тебе довелось уродиться женщиной, приходилось почти всегда довольствоваться единственным шелковым платьем за всю жизнь.

Рассказчица также получила подарок от Несуразного Человека – небольшой потрепанный томик с изрядным количеством пометок на полях.

– Это ведь не новая, а старая книга! – воскликнула Фелисити. – Вот уж не думала, что Несуразный Человек к тому же еще и скряга.

– Фелисити, ты не понимаешь, – принялась терпеливо разъяснять Рассказчица. – И полагаю, я не смогу заставить тебя понять. Но попытаюсь. Я в десять раз больше ценю такую книгу, чем новую. Это же одна из его собственных книг, разве ты не видишь? Он прочел ее сотню раз и полюбил ее, и они стали друзьями. Новая книга только что из магазина совсем не то. Она ничего не *значит*. Я считаю, этот его подарок – прекрасный комплимент. Я горжусь им больше, чем всем остальным, что мне подарили.

– Ну и пожалуйста, – ответила Фелисити. – Да, я этого не понимаю и не желаю понимать. Я бы никому не подарила на Рождество старую вещь и никому бы не сказала спасибо, если бы такое подарили мне.

Питер был на седьмом небе, потому что ему достался подарок от Фелисити – и, сверх того, сделанный ее собственными руками. На картонной книжной закладке шерстяной нитью был сработан красивый желто-красный кубок, а внизу, под кубком, зеленые буквы складывались в торжественный призыв: «Не трогай чаши»⁵. Питер отнюдь не страдал привычкой к излишествам, он не заглядывался даже на вино из одуванчиков, и мы не поняли, с чего вдруг Фелисити избрала такой сюжет. Но Питеру понравилось решительно все, так что никто не отважился омрачить его счастье критическими замечаниями. Позже Фелисити разъяснила мне, что сделала для него такую закладку, потому что его отец крепко выпивал, прежде чем бросил семью.

– Я решила, надо его вовремя предостеречь, – сказала она.

⁵ «Touch Not the Cup» (англ.) – название популярного рождественского гимна.

Даже Пату досталась голубая ленточка, которую, впрочем, он сорвал с шеи и потерял через полчаса после того, как ее завязали. Пату были чужды спесивые попытки украсить свое физическое обличье.

Рождественский обед, достойный чертогов Лукулла⁶, удался на славу; мы съели куда больше, чем следовало, и никто не посмел запугать нас последствиями обжорства в этот единственный день в году. А вечером – о, упоение и восторг! – мы отправились на праздник к Китти Марр.

Стоял чудесный декабрьский вечер. В течение дня колкий утренний воздух постепенно смягчался, пока не стал осенним. Снега не было, и длинные поля, тянущиеся вниз по склонам холма от усадебного дома, выглядели бурыми и рыхлыми. Странная сонная тишь спустилась на лиловую землю, на темный хвойный лес, на окраины долины, на увядшие луга. Природа словно с удовлетворением сложила натруженные руки и теперь отдыхала, предвкушая, как вскоре ее одолеет долгая зимняя дремота.

Сперва, когда пришли приглашения на праздник, тетя Джанет сказала, что нам туда нельзя; однако в нашу защиту выступил дядя Алек, возможно под влиянием тоскливого взгляда Сесили. Если у дяди Алека и были любимчики среди детей, так только Сесили, и в последнее время он стал еще больше ей потакать. Я то и дело замечал, как пристально он смотрит на дочь, и, следуя за его взглядом и его мыслью, я тоже каким-то образом узрел, что она бледнее и худее, чем была летом, и что ее нежные глаза кажутся больше, а в моменты покоя на ее личико сходят усталость и изнеможение, и оно делается очень умильным и трогательным. А еще я слышал, как дядя Алек говорил тете Джанет: мол, не нравится ему, как это дитя все более походит на тетю Фелисити.

– С Сесили все в полном порядке, – резко ответила тогда тетя Джанет. – Она просто очень быстро растет. Не глупи, Алек.

Впрочем, после этого Сесили доставалась кружка сливок тогда, когда нам полагалось лишь молоко, и тетя Джанет придирчиво следила, чтобы ее младшая дочь, выходя на улицу, непременно надевала галоши.

Однако этим веселым рождественским вечером никакие страхи и смутные предзнаменования грядущих напастей не омрачали наших сердец и лиц. Сесили, со своими мягко сияющими глазами и блестящими каштановыми волосами, выглядела ярче и симпатичнее, чем когда-либо. Для красоты Фелисити невозможно было подобрать слов, а что до Рассказчицы, то она, на волне воодушевления в своем красном шелковом наряде, источала очарование и привлекательность куда более сильные, чем ее обыкновенная миловидность, – и это несмотря на тот факт, что тетя Оливия категорически запретила красные атласные туфельки и безжалостно навязала племяннице толстые ботинки.

– Я прекрасно понимаю, как тебе хочется надеть их, – сказала тетя Оливия со смешливым сочувствием, – но на декабрьских тропях слякоть, и если уж тебе идти пешком до Марров, то точно не в этой легкомысленной парижской обуви, которую и галошами не уберечь. Так что собери свое мужество, дитя мое, и покажи, что дух твой превыше красных атласных туфелек.

– К тому же, – встрял дядя Роджер, – это красное шелковое платье и так разобьет сердца всей женской мелюзги на празднике. А если еще и туфельки добавить, то девицы вконец скиснут. Не делай этого, Сара. Оставь им хоть крошечную лазейку для веселья.

– О чем это дядя Роджер говорит? – прошептала Фелисити.

– О том, что вы, девчонки, просто помираете от зависти, глядя на платье Рассказчицы, – пояснил Дэн.

– Я лично не склонна к зависти, – надменно проговорила Фелисити. – Пусть себе надевает это платье сколько влезет – с ее-то цветом лица.

⁶ Луций Лициний Лукулл – известный римский полководец (ум. 56 до н. э.), устраивал пиры невиданной роскоши.

Как бы то ни было, праздник нам невероятно понравился, всем до единого. Мы весело болтали по дороге домой, шагая мимо сумрачных, затененных полей, иссеченных серебряными звездными лучами, и Орион свершал над нами свой величавый путь, а багровая луна выкарабкивалась из-за кромки горизонта. Часть дороги нас сопровождал напевающий во тьме ручеек – беспечный и безответственный бродяга долин и глухомани.

Фелисити и Питер шли не с нами. В тот рождественский вечер чаша Питера явно переполнилась счастьем. Выйдя из дома Марров, он храбро обратился к Фелисити:

– Можно, я провожу тебя домой?

И Фелисити, к нашему вящему изумлению, взяла его под руку и дальше зашагала с ним. Манерность ее не поддавалась никакому описанию и ничуть не поколебалась от насмешливого присвиста Дэна. Что до меня, то я сгорал от жгучего тайного желания попросить у Рассказчицы разрешения проводить до дома ее, но мне никак не удавалось набраться мужества. Как же я завидовал легкости и непосредственности Питера! Не тягаться мне в этом с ним – и потому Дэн, Феликс, Сесили, Рассказчица и я шли рука об руку через рощу Джеймса Фрюэна, все теснее прижимаясь друг к другу, ибо в ельнике пели какие-то потусторонние арфы, и кто знает, что за пальцы касались этих струн. Под напором ночного ветра тяжелые хвойные ветви терлись об усыпанное звездами небо, и над нашими головами плыла могучая полнозвучная музыка. Вероятно, эти золотые гармонии и напомнили Рассказчице об одной стародавней легенде.

– Я вчера вечером прочитала одну чудную историю в книжке тети Оливии, – начала наша подруга. – Называется «Рождественская арфа». Хотите послушать? Мне кажется, она очень подходит к этой части дороги.

– А там нет ничего про... про привидения? – смущенно поинтересовалась Сесили.

– Нет, я бы ни за что не стала рассказывать здесь историю о привидениях. Мне бы и самой было слишком страшно. Эта история – про одного из пастухов, которые видели ангелов в первую ночь Рождества. Он был совсем юным и всем сердцем любил музыку. Ему ужасно хотелось научиться доносить до людей мелодии, наполнявшие его душу, но у него ничего не получалось. Арфа у него была, и он часто пытался играть на ней, однако из-под неловких пальцев выходила такая какофония, что товарищи осыпали его насмешками да издевками и обзывали безумцем, потому что он не желал бросать это занятие и, вместо того чтобы сидеть с ними у костра и обмениваться байками, коротая долгие ночные бдения возле овечьих отар на холмах, устраивался в сторонке с арфой в руках и глядел в небо. Приходящие из великой тишины мысли были ему намного милее громкого смеха приятелей. Он никогда не терял надежды, и порой она срывалась с его губ в виде молитвы о том, чтобы однажды ему удалось выразить эти мысли в музыке и подарить их усталому, измученному и забывчивому миру. В ночь Рождества он вместе с товарищами пас овец на холмах. Было зябко и темно, так что все, кроме него, с радостью сгрудились вокруг костерка. Он же, по своему обыкновению, сидел в отдалении один, с арфой на коленях и великой жадной в сердце. Но тут в небе над холмами разлился дивный свет, словно ночная тьма вдруг расцвела мириадами сверкающих бутонов, и все пастухи узрели ангелов и услышали их пение. Ангелы пели, а арфа в руках юного пастушка вдруг негромко заиграла сама собой. Он слушал и понимал, что арфа подыгрывает ангельской музыке и что в этой музыке – все его надежды, чаяния и устремления. С той самой ночи, когда бы он ни брал в руки арфу, она играла ту же музыку; и пастушок бродил по белу свету с арфой, от звуков которой исчезали ненависть и распри и воцарялись мир и благодать. Кто слышал ту арфу, тому больше не приходили в голову дурные мысли; кто слышал ее, тот больше не чувствовал безнадежности, отчаяния, горечи и злости. Стоило человеку хоть раз прикоснуться к ангельской музыке, как она поселялась в его душе, сердце и жизни, навсегда становясь частью его самого. Шли годы, пастух состарился, сделался согбенным и слабым, но он по-прежнему бродил по городам и весям, чтобы арфа несла всему человечеству весть о рождественской ночи и ангельском гимне. В конце концов силы покинули его, и однажды темной ночью арфист упал

на обочине дороги. Однако, пока дух его отходил, арфа продолжала играть, и ему привиделось, будто перед ним предстал Сияющий, глаза которого горели дивным звездным светом, и Он заговорил с пастухом:

«Приветствую тебя. Музыка, которую эта арфа играла так много лет, есть лишь эхо любви, милосердия, чистоты и красоты, присущих твоей собственной душе;пусти ты хоть раз за время странствий в душу свою зло, зависть или эгоизм, арфа твоя умолкла бы. Теперь настает конец твоей жизни, но то, что ты отдал людям, конца не имеет и пребудет в мире вечно. Пока мир жив, небесное звучание рождественской арфы будет улаживать человеческий слух».

Взошло солнце; старый пастух лежал мертвый на обочине дороги с улыбкой на лице и арфой в руках, и все струны арфы были порваны.

Как раз к концу истории мы вышли из ельника, и на холме перед нами уже высился дом. Приглушенный свет в кухонном окне свидетельствовал, что тетя Джанет и не думала идти спать, пока вся ее мелюзга не вернется с праздника в целости и сохранности.

– Ма нас ждет, – констатировал Дэн. – Вот будет смешно, если она случайно выйдет за дверь, а там торжественно выступают Фелисити с Питером. Она наверняка рассердится... Ведь уже почти полночь.

– И скоро закончится Рождество, – вздохнула Сесили. – Правда, хорошее оно вышло? Первое Рождество, которое мы провели все вместе. Как думаете, будет еще такое?

– И не одно, – жизнерадостно отозвался Дэн. – Почему нет-то?

– Ну, я не знаю, – ответила Сесили, чуть-чуть замедляя шаг. – Просто сейчас все кажется немного чересчур прекрасным, чтобы длиться долго.

– Если бы у Уилли Фрейзера хватило пороку, как у Питера, то мисс Сесили Кинг, возможно, не приуныла бы, – многозначительно высказался Дэн.

Сесили тряхнула головой и воздержалась от ответа. В самом деле, бывают такие замечания, которые юная леди прямо-таки обязана пропустить мимо ушей.

Глава 4. Новогодние обещания

Нам не досталось белого Рождества, но зато достался белый Новый год. Как раз между двумя этими вехами случился сильный снегопад. В саду наших прежних усадб наступила зима – самая настоящая зима, и трудно было поверить, что когда-то здесь обреталось лето или что когда-нибудь сюда вернется весна. Пропали птицы, и некому было петь лунные мелодии, а тропа, некогда усыпанная душистым яблоневым цветом, теперь лежала под куда менее душистыми сугробами. И все же в лунную ночь, когда заснеженные аркады блестели, словно бульвары из слоновой кости и хрусталя, а голые деревья отбрасывали на них трепетные тени, сад представал чудесным местом. На укрытой гладким серебристым покрывалом Тропе дяди Стивена лежало заклатье белой магии. Она казалась первозданной и дивной, точно жемчужная улица нового Иерусалима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.